
ЧТО МЫ ЗНАЕМ О СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПРИГОРОДАХ?*

А.С. Бреславский

Отдел истории, этнологии и социологии
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения РАН
ул. Сахьяновой, 6/222, Улан-Удэ, Россия, 670047

В статье анализируется предметное поле так называемых «пригородных исследований» в современной России. В первой части статьи показано, что, несмотря на очевидный потенциал эмпирических данных, осуществляемой сегодня отечественными учеными аналитической работы и широкие возможности включения в актуальные международные дискуссии, данная область исследований пока еще слабо привлекает отечественных ученых, что связано, по всей видимости, с общей ситуацией глубокого кризиса в сфере городских исследований в России. Современные российские пригороды с каждым годом разрастаются все шире, возникают и развиваются новые формы пригородных отношений и бытового обустройства, однако публикаций и исследований по этой теме не становится больше. Во второй части статьи представлены основные итоги авторского исследования пригородной зоны одного из крупных сибирских городов — Улан-Удэ, столицы Бурятии. Автор показывает, как кейс города встраивается в общую модель развития пригородов не только российских городов, но и — шире — городов на постсоветском пространстве. В частности, речь идет о развитии скваттерских (самовольных) поселений, разрастании и преобразовании пригородных деревень, переобустройстве городских и пригородных дач, строительстве коттеджных поселков, развитии не жилой инфраструктуры вблизи городов.

Ключевые слова: пригородные исследования; городские исследования; города и пригороды; урбанизация; субурбанизация; дачи; деревни; Россия.

Настоящая статья опирается на серию четырехлетних (2011—2014) социологических исследований автора в пригородной зоне Улан-Удэ и связанный с ними опыт включения в поле отечественных и зарубежных пригородных исследований. Итоги этой работы, частично ранее опубликованные [1], подтолкнули автора задуматься над более общими вопросами, связанными с современностью и будущим пригородов крупных российских городов. Что мы знаем об их демографическом и территориальном развитии? Как соотносятся масштабы продолжающейся урбанизации и начавшейся субурбанизации вследствие активного развития пригородов и городских агломераций? Или более конкретно: кто заселяет современные российские пригороды — горожане или сельчане? Россияне или, может быть, как во многих западноевропейских городах, иностранные мигранты? Как пригороды влияют на городские рынки труда, инфраструктуру, экономику? Представляем ли мы, что происходит сегодня по всей стране с дачными кооперативами, коттеджными поселками, пригородными селами и деревнями, небольшими го-

---

* Статья подготовлена на основе доклада автора на Всероссийском научно-практическом семинаре «Проекты местного развития регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока», прошедшем во Владивостоке 23 июня 2015 г. при поддержке фонда Розы Люксембург.

родами, тяготеющими к крупным агломерациям? Что вообще мы сегодня знаем о российских пригородах?

Исследовательская работа в пригородной зоне Улан-Удэ и в целом включение в данное предметное поле, анализ городских (urban) и пригородных исследований (suburban studies) привели автора к нескольким выводам, которые хотелось бы обозначить сразу. Во-первых, сегодня все мы являемся свидетелями нового этапа в развитии крупных городов по всей России: речь идет о массовом возникновении пригородных поселений и зарождении пригородной жизни в том ее понимании, которое уже несколько десятилетий является привычным в западно-европейском мире, т.е. об осознанном, желаемом или вынужденном переезде горожан из центра городов в районы городской периферии. В 1990—2000-е гг. многие российские горожане перестроили свои дачи для круглогодичного проживания, значительно изменились те пригородные сельскохозяйственные поселения, население которых стало работать в городе, получили развитие новые формы пригородной застройки (например, коттеджные поселки, таунхаусы).

Во-вторых, пригороды российских городов по характеру их освоения и заселения, инфраструктуре и структуре местных сообществ стали отличаться друг от друга также, как российские пригороды отличаются сегодня от пригородов США, Бразилии, Индии и т.д. Несмотря на то, что в отдельных макрорегионах нашей страны (например, в Центральной России и Сибири) большинство городов развивались в схожей исторической колее, с общими доминантами (такими как советская индустриализация), сегодня даже соседние региональные города-столицы имеют как типологические сходства, так и существенные различия. Хорошая иллюстрация тому — сибирские Иркутск и Улан-Удэ, пригороды которых были изучены в 2011—2014 гг. [1; 2]: пригороды первого города развивались в основном под воздействием финансово успешных горожан, второго — под влиянием сельских мигрантов со средним достатком.

В-третьих, несмотря на активный рост числа и разнообразия пригородных поселений в России, увеличение их населения, процессы субурбанизации (и шире — роста пригородных зон крупных городов) все еще не стали предметом активных исследований отечественных ученых. Не стали они пока и объектом специального административного регулирования со стороны городских властей и государства. Строго говоря, мы мало что знаем о том, что происходит в наших пригородах. Как недавно отметил А.И. Трейвиш, наше «дачеведение» до сих пор неадекватно масштабам дачевладения в стране, которая может считаться рекордсменом в мире по числу этого вида второго жилья» [5. С. 24].

И дело не только в бедности и государственной статистике, в отсутствии стратегического контроля и регулирования застройки в пригородных территориях крупных городов, но и в том, что пригороды в качестве объекта исследования не привлекают российских ученых. Это касается не только дач, но и тех же коттеджных поселков, пригородных деревень и малых городов, которые становятся сегодня частью более крупных городов (обычно региональных столиц) и городских агломераций. Приходится констатировать, что ситуация в предметном поле

«пригородных исследований» в России, несмотря на отдельные исключения, в целом неутешительна. Отечественных работ по изучению этой темы крайне мало, как и специалистов, последовательно занимающихся ее разработкой. Это подтвердил и наш анализ баз данных журнальных статей и монографий в системах РИНЦ, Web of Science и Scopus (на сентябрь 2014 г.), в ходе которого мы не обнаружили значительного количества российских публикаций, в названиях и аннотациях к которым упоминались бы слова «пригород» и «субурбанизация» [итоги этого обследования и обзор публикаций см в: 1. С. 11—29].

Подобная ситуация несет в себе несколько ограничений, главное из которых заключается в том, что мы не имеем возможности проводить широкие сопоставительные исследования российских пригородов, поскольку региональных работ по этой тематике практически нет. И речь идет не только о провинциальных городах и регионах, но и о городах-миллионерах, о городских агломерациях. В этих условиях строить какие-либо модели отечественной субурбанизации, модели развития пригородов крупных городов, связывая их с соответствующими моделями в развитых и развивающихся странах, крайне сложно.

В то же время начиная с 2000-х гг. в мировой урбанистике наметился очевидный интерес к изучению пригородов развивающихся стран Южной Америки, Африки и Азии [7], не говоря уже об изучении пригородов стран Глобального Севера. Постепенно переосмысливается англо-американская парадигма в изучении пригородов, опирающаяся главным образом на опыт развитых стран (Великобритания, США, Канада и пр.). Подвергаются критике такие аксиомы, как, например, убеждение, что формирование пригородов основано на личном выборе (в то время как часто они складываются вследствие вынужденного переселения: из-за войн, голода, бедности сельских территорий и т.п.); что источником развития пригородов выступает исключительно городское сообщество (во многих странах пригороды были созданы и формируются сегодня в результате сельско-городской миграции); что многие скваттерские (самовольные) поселения (squatter settlements) не могут быть привлекательны для среднего класса и бизнеса (исследователи документируют сегодня обратное).

Российские пригородные исследования в свете этой формирующейся международной академической дискуссии обладают серьезным потенциалом.

Начнем с того, что российское поле эмпирических данных по проблеме пригородов слабо насыщено и структурировано, аналитических исследований крайне мало, большинство из них опираются на данные и проблемы отдельных регионов — субъектов федерации. В зарубежных, главным образом англоязычных, изданиях публикаций о российских пригородах еще меньше, касаются они преимущественно двух самых крупных городов страны — Москвы и Санкт-Петербурга, поэтому сегодня столь важно начать работу, нацеленную на понимание того, в каких направлениях развиваются отечественные пригороды в регионах и в стране в целом, как процессы их развития соотносятся со схожими явлениями в современном мире. Одна из возможных исследовательских стратегий здесь — сравнение российских городов с городами на постсоветском пространстве.

При первом приближении (но, несомненно, требуется и более пристальное внимание) российские пригороды обнаруживают существенные сходства с пригородами крупных городов в странах СНГ и шире — на постсоветском пространстве, что позволяет говорить о нескольких основных типах пригородного развития в наших государствах. Здесь важно указать на два обстоятельства: во-первых, наши города растут и развиваются под сильным влиянием сельско-городской внутренней миграции, масштабы и направления которой уже не регулируются государством, как это было в годы Советского Союза. Второе важное обстоятельство, которое роднит российские города с крупными городами на постсоветском пространстве, — это массовое частное строительство на городских окраинах и в пригородах после снятия прежних государственных ограничений. Либерализация отношений на рынке городской земли и жилой недвижимости в 1990—2000-е гг. привела к массовому строительству самовольных поселений, что негативно повлияло на характер застройки и решений инфраструктурных проблем в наших городах. Проблемы, связанные с сельско-городской миграцией, самовольными поселениями, бедностью в пригородах крупных городов, в исследованиях пригородов развивающихся стран сегодня также выходят на первый план.

Что касается сравнения пригородов российских городов с пригородами стран СНГ и на постсоветском пространстве, то можно взять за основу типологию, предложенную в 2009 г. К. Станиловым и С. Хёрт [8. С. 89—91]. Они выделяют пять типов пригородных зон на постсоветском пространстве: первый тип связан с развитием скваттерских (самовольных) поселений — они наиболее распространены в Центральной Азии, на Кавказе, в некоторых балканских странах и характерны для изученного автором сибирского города — Улан-Удэ. Второй тип пригородного развития — рост существующих деревень и городов в столичной периферии. Этот тип подразделяется на два подтипа: 1) развитие поселений-спутников в рамках столичной агломерации силами бедного класса и рабочими, стремящимися найти дешевое жилье недалеко от города; и 2) формирование пригородных поселений богатыми домохозяйствами и средним классом, включая строительство парков, развлекательных и торговых объектов.

Это разделение важно в инструментальном смысле, поскольку позволяет отделить процессы продолжающейся урбанизации (традиционно связанной с притоком сельчан в города) и субурбанизации — «формирования пригородных зон в результате оттока части городского населения в них» [3. С. 292]. Воздействие субурбанизации на современные российские пригороды, судя по немногочисленным отечественным исследованиям [1; 2; 4], сегодня менее выражено, нежели влияние продолжающейся урбанизации.

Третий тип пригородного развития — трансформация бывших дач в добротные жилые пригороды. Построенные в советское время и имевшие характер сезонного жилья, в постсоветский период дачи на наших глазах были массово переобстроены под жилые нужды во всех странах СНГ, в том числе в России. Именно дачи как один из типов пригородного (и второго) жилья стали наиболее востребованным предметом исследований отечественных ученых, но территориальные границы этих работ преимущественно ограничены Центральной Россией.

Четвертый тип — строительство крупномасштабных пригородных поселений с использованием иностранных инвестиций; пятый тип включает в себя нежилую пригородную инфраструктуру — строительство торговых и офисных центров, складских и промышленных помещений на основных транспортных узлах городской периферии. Четвертый и пятый тип свойственны большим городам, столицам государств и городским агломерациям, а потому важно понимать, почему в одних случаях пригороды крупных отечественных городов остаются монофункциональными, а в других — становятся полифункциональными, где-то развиваются по двум или трем перечисленным типам развития, а где по всем пяти.

Расширение географии пригородных исследований в России позволит более предметно говорить о многообразии форм пригородов, условий их возникновения и развития, определить универсальные черты пригородных поселений, развивающихся в разных условиях — региональных культурах и экономиках, природной, географической среде и т.п. Ниже представлены результаты исследования пригородной зоны Улан-Удэ как одного из возможных вариантов развития пригородов в современной России.

Исследование было реализовано в период с 2011 по 2014 г. на основе данных статистического учета, проведенных автором интервью, фокус-групп и анкетного опроса населения, анализа спутниковых карт и административных материалов по развитию пригородной зоны Улан-Удэ (численность населения города на 1 января 2014 г. составила 421 тыс. чел.). Ниже представлены основные содержательные выводы проекта без количественных выкладок, которые были опубликованы ранее [1].

Итак, специфичной особенностью и одним из основных итогов урбанизации Республики Бурятия в советский период стало численное, экономическое и территориальное доминирование Улан-Удэ среди прочих поселений республики — по сути, Улан-Удэ стал главным и в известном смысле «единственным» ее городом, основным ресурсным центром. При этом более-менее крупные городские поселения в Бурятии оказались удалены друг от друга настолько, что в постсоветский период между ними и Улан-Удэ не возникли агломеративные связи, поэтому развернувшиеся в последние два десятилетия процессы роста пригородных зон охватили в республике главным образом только Улан-Удэ.

Современный Улан-Удэ — один из крупных городов Восточной Сибири, но вместе с тем не самый экономически развитый. По уровню промышленного производства, торговли, научно-техническому потенциалу город относят ко второй или третьей (из трех) группе субъектов Сибирского федерального округа. В общероссийских миграционных процессах Улан-Удэ в постсоветский период преимущественно отдавал население западносибирским, центрально-европейским и южным регионам страны и в значительно меньшей степени сам принимал переселенцев с Востока России. В отличие от некоторых других крупных городов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирска, Красноярска, Владивостока) Улан-Удэ слабо привлекает внутрирегиональных (сибирских и дальневосточных) мигрантов.

Увеличение населения Улан-Удэ в постсоветский период в условиях высокого оттока местных жителей оказалось возможным во многом благодаря тому,

что город стал главным центром миграционного притяжения внутриреспубликанских (в основном сельских) мигрантов. Сельчане стабильно прибывали и прибывают в Улан-Удэ, в результате чего, только по официальным данным, в городе сегодня проживает около половины всех жителей республики.

Активное формирование пригородной зоны Улан-Удэ, тесно связанной с городом, — явление постсоветского времени. В дореволюционный и советский периоды процессы субурбанизации были незначительны: территориальный рост Улан-Удэ в дореволюционный период диктовался развитием городского посада и двух его основных предместий — Заудинской слободы (за рекой Уда) и слободы Поселье (за рекой Селенга). Можно ли говорить о них как о пригородных — пожалуй, нет, поскольку они не имели собственных органов местного самоуправления и находились в подчинении городских властей Верхнеудинска.

Видимые изменения в городской морфологии произошли в советский период — к его завершению территория Улан-Удэ включала следующие значимые сегменты: 1) центральная часть, расширившаяся за счет включения в нее нагорных территорий (нынешний центр города — площадь Советов); 2) промышленные зоны, возникшие в разных географических точках Улан-Удэ в 1930—1950-е гг. и определившие развитие города в советский период; 3) поселения — заводские спутники — рабочие поселки при крупных заводах и предприятиях со смешанной застройкой (много- и малоэтажные, в том числе одноэтажные многоквартирные и отдельные дома); 4) спальные районы — микрорайоны многоэтажного жилого строительства с комплексом социально-бытовой инфраструктуры; 5) слабоурбанизированные поселки — поселения, входящие в состав города, застроенные одноэтажными индивидуальными домами усадебного типа, в том числе самовольно; б) садово-дачные товарищества и кооперативы, массово возникшие в городе и его пригородной зоне с начала 1960-х гг.

В советский период значительно более интенсивное развитие, чем в дореволюционный, получили не только городские, но и пригородные территории Улан-Удэ, не входящие в состав города. Помимо дачных кооперативов на территории смежных со столицей сельских районов Бурятской АССР (Иволгинского, Тарбагатайского, Заиграевского) возникло несколько поселков, сел, небольших заимок и улусов. Все они приобрели главным образом сельскохозяйственное назначение, а их население работало преимущественно на местных предприятиях, т.е. пригородное положение этих поселений не сильно влияло на трудовые практики и образ жизни местного населения.

Постсоветский период привнес в территориальное и жилищное развитие Улан-Удэ и его пригородов множество значимых изменений. Во-первых, после легализации права частной собственности была разрешена приватизация земли и расширены права использования недвижимого имущества — люди получили большие возможности в выборе места жительства, покупке жилья и земли.

Постепенно в Улан-Удэ, как и по всей стране, начал складываться городской рынок земли и недвижимости, отношения в сфере недвижимости и земли оказались крайне либерализованы; местные власти получили реальную возможность

управления своей территорией, которой фактически были лишены в советское время, но потеряли государственные субсидии и средства, которые прежде крупные промышленные предприятия выделяли на благоустройство подведомственных им городских территорий (рабочих поселков, дач и т.п.). Это существенным образом повлияло на возможности городской администрации решать проблемы внутригородских районов, вопросы жилищного строительства, обслуживания и ремонта городского жилья. В условиях перманентного дефицита бюджетных средств в переходный период продажа городских земель стала привлекательным вариантом дохода — то же касается и пригородных поселений.

Перечисленные особенности переходного периода внесли существенные коррективы в территориальное и жилищное развитие Улан-Удэ и его пригородной зоны: во-первых, в городе небывалые масштабы обрело одноэтажное деревянное жилое строительство (благодаря обилию строительного леса), главным образом на окраинах, — в итоге сегодня значительная по площади территория города уже не может обеспечить неослабевающий спрос на земельные участки для индивидуального жилищного строительства.

В постсоветский период в Улан-Удэ получило развитие самовольное строительство, достигшее таких размеров, что спровоцировало волну общественных и политических дебатов («борьбу с самоволками») в середине 2000-х гг., продолжающуюся до сих пор. Масштабы улан-удэнских скваттерских поселений превзошли масштабы этого явления в европейской части страны, чему «поспособствовала» долгое время применявшаяся практика легализации самовольного строительства уже после его завершения без серьезного административного наказания.

Второе направление территориального и жилищного развития города в постсоветский период — массовое переобустройство советских дач, не приспособленных к круглогодичному проживанию, в капитальные жилые сооружения с надворными постройками (прежде всего баней и гаражом). Третье направление — рост числа микрорайонов коттеджей и таунхаусов, в том числе застраиваемых организовано и массово, с участием крупных строительных организаций и инвестиций. Наконец, четвертое направление, связанное с процессами субурбанизации, — активное разрастание поселков и деревень в пригородной зоне столицы республики (в Иволгинском, Заиграевском и Тарбагатайском районах). Все они в советский период являлись «пригородами» исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа). Начиная с 1990-х гг., особенно в 2000-е гг., ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, в результате чего происходит существенное обновление местных сообществ, выстраивается их социальная (в связи с трудовой занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

Среди мигрантов постсоветской волны, осевших в пригородных поселениях Улан-Удэ, можно выделить две группы: выходцы из сельской Бурятии, перебравшиеся к городу в 1990—2000-е гг., и горожане; в количественном отношении здесь

доминируют сельские мигранты среднего возраста с доходами среднего и ниже среднего уровня, т.е. основным субъектом освоения пригородных территорий постсоветского Улан-Удэ стала сельская Бурятия, а не сам город, и главными участниками этого процесса — сельские мигранты. Это отличает Улан-Удэ от многих городов европейской части страны, в которых пригороды в постсоветский период формировались главным образом горожанами. По классификации урбаниста Р. Харриса [6. С. 33], пригороды Улан-Удэ могут быть отнесены к типу формирующихся не изнутри (из города), а извне (с внегородских территорий). По его же классификации улан-удэнские пригороды для большинства новых переселенцев, как показало исследование, стали местом вынужденного переселения (из-за финансовых барьеров), нежели актом свободного (желаемого) выбора (случай Улан-Удэ в этом смысле выпадает из «классической» западной парадигмы).

Отношения новых переселенцев с «коренными» местными жителями в улан-удэнских пригородах складываются в подавляющем большинстве случаев без серьезных проблем: мигранты (в основном сельчане и улан-удэнцы) не вызывают у «коренных» жителей какого-либо интереса, поскольку ведут достаточно типичный для местных поселений образ жизни, имеют сопоставимые доходы, в целом не конкурируют с местным населением на сельском рынке труда и т.п. Следует отметить и традиционно высокий уровень культурной толерантности в Бурятии и пригородное положение поселений, подталкивающее местных жителей более лояльно относиться к приезжим.

Пригороды Улан-Удэ в изучаемый период не привлекали иностранных трудовых мигрантов, в ходе исследования не были обнаружены тенденции образования здесь кварталов, заселенных представителями иностранных диаспор, что выделяет Улан-Удэ из панорамы западноевропейских и североамериканских городов, пригороды которых, особенно в последнее десятилетие, стали местом «встречи» местных жителей и мигрантов из развивающихся стран, что изменило облик этих территорий и социальную ситуацию внутри их сообществ. Массовый исход сельских жителей в столичные города роднит Улан-Удэ скорее с другими городами СНГ, например, с Астаной, Бишкеком и соседним Улан-Батором.

Взаимоотношения (в том числе соседские) среди новых переселенцев пригородов сегодня сложно назвать интенсивными, поскольку уровень их контактов остается низким. Значимым основанием для выстраивания и поддержания групповых идентичностей, формирующих пригородные сообщества, являются пока лишь общие социально-бытовые вопросы, проблемы инфраструктуры и благоустройства, которые решаются в ходе общих собраний, в том числе за счет организации дачных товариществ. С точки зрения формирующего архитектурного ландшафта ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный деревенский стиль без архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характера временного жилья, построены основательно, обеспечивают уровень комфорта, сопоставимый с жильем в сельской местности.

Несмотря на то, что пригородные села в последние 10—15 лет стали пригородными не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле (более четко обозначилась их связь с городом, увеличилось население, сами они расширились), сегодня они в целом сохранили вид типичных слабоурбанизированных сельских поселений. Здесь слабо развита социально-бытовая, инфраструктура отдыха и развлечений, внутрипоселковые дороги требуют серьезного ремонта; хотя поселения уже не один год считаются пригородом, они по-прежнему испытывают хронические проблемы с водоснабжением и т.п. При расширяющемся количестве частного автотранспорта они сохраняют высокую зависимость от общественного автотранспорта.

В целом пригородные поселения Улан-Удэ пока не обеспечивают местных жителей комфортными условиями жизни, сопоставимыми с теми, что существуют, например, в благоустроенных районах города. Во многом именно поэтому переезд в пригород для многих горожан и в чуть меньшей степени для сельчан до сих пор остается вынужденным шагом. Важным признаком трансформации рассматриваемых сел в «пригород», на наш взгляд, является лишь сформированная за прошедшие двадцать лет ориентация рассматриваемых сообществ на городской рынок труда.

Главной причиной, по которой пригороды Улан-Удэ не получили пока развитой инфраструктуры и городского облика, является то, что основным источником освоения этих территорий в постсоветский период стал не город и успешные горожане, а сельская Бурятия — сельские мигранты. Это были и есть люди со средним доходом и доходом ниже среднего, их финансовая слабость не позволила им, во-первых, законно выкупить свои земельные участки, что не дало возможность муниципальным властям изначально позаботиться о первичной инфраструктуре (электросетях, водоснабжении, дорогах, территориях для строительства общественных объектов). Во-вторых, невысокие и нестабильные доходы новых жителей пригородов напрямую отразились на характере жилой архитектуры и особенностях застройки участков, в результате чего новые микрорайоны пригородных поселений получили в целом однообразный неприглядный облик «деревянных коробок с типовыми деревянными домами».

С эстетической точки зрения новые пригороды Улан-Удэ вызывают много вопросов: дома, приусадебные участки, ограждения в подавляющем большинстве пока не получили законченного оформления, практически отсутствует практика озеленения придомовых территорий: на улицах нет ни деревьев, ни кустов, у домов не разбивают палисадники с цветами, как это принято во многих поселениях сельской Бурятии. Более того, с массовым наплывом новых жителей в пригородных поселениях Улан-Удэ возникло множество инфраструктурных и бытовых проблем, которые с разной степенью успешности были решены к настоящему времени. Среди наиболее важных из них следует отметить проблемы электрификации и водоснабжения, транспортной доступности, дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания, социально-бытового благоустройства. В ходе анкетного опроса населения респонденты высказали относительно высокий уровень неудовлетворенности по большинству этих проблем, за исключением электро-снабжения.

В то время как Улан-Удэ является во многих смыслах городом республиканского значения, проблемы его пригородных поселений остаются вопросами «местного значения», хотя город и республика могли бы разделить ответственность за развитие пригородных территорий. Вопросы, связанные с активным заселением пригородных поселений Улан-Удэ, вплоть до конца 2000-х гг. практически не включались в республиканскую и городскую повестку дня, да и сегодня попадают в нее эпизодически. Сами местные жители — как коренные, так и приезжие — понимают, что благоустройство их поселений в значительной степени зависит от них самих, поскольку в местных администрациях (ввиду слабости местных бюджетов) на это выделяются небольшие средства. Оставаясь на периферии сельских районов и не получая ощутимой поддержки со стороны Улан-Удэ и республики в решении социально-экономических и инфраструктурно-бытовых вопросов, пригородные поселения могли бы рассчитывать на рыночные механизмы: мелкий и средний бизнес мог бы помочь преобразить эти территории. Однако и у бизнеса здесь пока небольшие возможности: он слишком медленно развивается, поскольку местные жители в силу низкой платежеспособности не могут активно поддерживать новые предпринимательские проекты. Люди нацелены главным образом на Улан-Удэ, на городской рынок труда и потребления, поэтому пригороды пока не получают автономности и самодостаточности, остаются монофункциональными, их главное предназначение — быть спальными районами.

Зарубежные исторические и географические исследования пригородов дают основания утверждать, что развитие пригородной зоны Улан-Удэ имеет много общего с мировой практикой. Так, в развивающихся странах, как и в европейских и американских городах более ста лет назад, многие пригородные территории разрастаются за счет миграции населения из сельской местности. Урбанизация долгое время зависела от миграций, иногда в массовом масштабе, что, как известно, было характерно и для Советского Союза. Но городское жилье, как правило, слишком дорого для сельчан и ограничено в количестве, поэтому многие сельские мигранты селятся на окраинах, как это происходило в фавелах и скваттерских поселениях Латинской Америки в 1960—1970-е гг., как это происходит на пригородных окраинах современных африканских городов, в мигрантских анклавах пригородных деревень в Китае и Юго-Восточной Азии. В то же время, как показывают современные исследования, после замедления темпов сельско-городской миграции изменились многие латиноамериканские скваттерские поселения — они превратились в районы элитного жилья для среднего класса. Схожие изменения происходят и в других частях мира: в странах Южной Африки, в Индии, на Юге Европы и Ближнем Востоке.

В этом смысле российский опыт формирования пригородных поселений крайне интересен и важен с точки зрения уточнения и конкретизации отдельных положений развивающейся «пригородной теории и истории», которая пишется сегодня в основном без российского участия. Идут ли российские пригороды по уже пройденному кем-то ранее пути? Что их объединяет с пригородами в развитых и развивающихся странах? А с пригородами в постсоциалистических странах? В ответах на эти вопросы кроется ключ к пониманию будущего наших городов, найти который не удастся, пока не увидят свет новые региональные исследования российских пригородов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бреславский А.С.* Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014.
- [2] *Григоричев К.В.* В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013.
- [3] Демографический понятийный словарь / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003.
- [4] *Звягинцев В.И., Неуважаева М.А.* Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. 2015. Т. 24. № 1.
- [5] *Трейвиш А.И.* «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 4.
- [6] *Harris R.* Meaningful types in a world of suburbs // Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society. 2010. Vol. 10.
- [7] *Robinson J.* Ordinary Cities. Between Modernity and Development. L.: Routledge, 2005.
- [8] *Stanilov K., Hirt S.* Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989—2009. Nairobi: UN Habitat, 2009.

WHAT DO WE KNOW ABOUT CONTEMPORARY RUSSIAN SUBURBS?

A.S. Breslavsky

Department of History, Ethnology and Sociology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Sakhyanovoy str., 6/222, Ulan-Ude, Russia, 670047

The article analyzes the subject field of the so-called “suburban studies” in contemporary Russia. In the first part of the article, the author shows that, despite the obvious potential of the relevant empirical data, the analytical work of Russian scientists, and the ample opportunities to join the current international debates, Russians scientists are still not interested in this area of research, which is, apparently, is a consequence of the general deep crisis of the urban studies in the country. Nowadays Russian suburbs are growing, new forms of suburb relations and household arrangements emerge and develop; however, the number of publications and studies on these processes does not grow. In the second part of the article, the author presents the results of the suburban studies he conducted in one of the largest cities in Siberia — Ulan-Ude, the capital of Buryatia. The author shows how this case reflects the general model of suburban development not only in Russia, but also in the post-soviet urban space. In particular, the article focuses on the development of squatter (unauthorized) settlements, the growth and transformations of suburban villages, reconstruction of urban and suburban dachas, construction of cottage settlements, and the development of non-residential infrastructure near cities.

Key words: suburban studies; urban studies; cities and suburbs; urbanization; suburbanization; dachas; villages; Russia.

REFERENCES

- [1] *Breslavsky A.S.* Nezaplanirovannyye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Udye v postsovetский period [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2014.

- [2] *Grigoriev K.V.* V teni bol'shogo goroda: social'noe prostranstvo prigoroda [In the Shadow of the Big City: Social Space of the Suburbs]. Irkutsk: Ottisk, 2013.
- [3] Demograficheskiy ponyatiyniy slovar' [Dictionary of Concepts in Demography]. Ed. by L.L. Ryibakovskiy. M.: TsSP, 2003.
- [4] *Zvyagintsev V.I., Neuvazhaeva M.A.* Pereselentsy iz goroda v selskuyu mestnost': fenomen «obratnoy migratsii» v sovremennoy Rossii [Migration from urban to rural areas: Phenomenon of 'counter-urbanization' in contemporary Russia] // *Mir Rossii*. 2015. Vol. 24. No 1.
- [5] *Travish A.I.* "Dachevedenie" kak nauka o vtorom dome na Zapade i v Rossii [Dacha studies as a science of the second house in the West and Russia] // *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. 2014. No 4.